

А. И. Мелунаев
пересказ с. Новотомская

КАЙЛИНСКИЙ СИБУЛОН

I

В конце восьмидесятых годов в центральной и местной печати публиковалось много статей о репрессиях великой сталинской эпохи. В областной газете „Красное знамя“ утверждалось, что на территории Асиновского района не было ни одного лагеря для уничтожения „врагов народа“. Автор ссылался на полное отсутствие архивных документов. Видимо, автору было неизвестно, что энкведа копия своих приказов и распоряжений по архивам не рассылало, а старательно уничтожало их, как документальную улику массовых убийств. Автору статьи, видимо, было неизвестно и то, что обреченных на смерть людей гнали и везли в глухую тайгу приобья не только через Томск, но и сплавляли по Оби и ее притокам мимо Томска, забыв бросить в Обь бутылки со списками карателей и их жертв.

Сибулон – сибирское управление лагерей особого назначения – был одной из секретнейших организаций НКВД, главной всесоюзной мясорубкой, работающей без выходных и на бешеных скоростях успешно перемалывающей десятки миллионов „подлых врагов советской власти“.

Мастера замечных дел знали это и жили в атмосфере сверхжесточкой секретности.

Территория Кайлинского сибуллона занимала сотни квадратных километров: от реки Кайлы, впадающей в Большую Оксу, до Тунгусского Бора, а дальше от Бора до батурилинских болот и обеих берегов Чульма... От Чульма же на север по всей Оби и ее многочисленным притокам сочилась человеческой кровью и белели человеческими костями еще сотни „сибулонов.“

~~/ 27 апреля 1997 года. /~~

Алексеев Павел Сергеевич был выходцем из деревни Сергеево Пышкино - Троицкого района. Он рассказывал: „Весной 1928 года / мне тогда было пятнадцать лет / мы с отцом из Сергеево спустились по Чулымму на лодке до Таньково в край непуганых птиц. Большая вода еще не спала. Отец решил пройти пешком к таньковским и Юрьевским озерам и разведать, где больше скопилось уток. От Юрково до устья Оксы не больше одного двух километров. Когда мы подошли к Оксе, то увидели на той стороне реки очень много народу с осветными и даже с черными лицами, толпу окружали конные и пешие охранники. На высоком берегу были навалены большие и маленькие ящики, мешки и другой скарб. Вдалеке, в широкой чулымской старице, куда впадала Окса, виднелась уходящая на буксире большая баржа. Видимо, людей недавно выгрузили. Один старик вышел из толпы и пошелся к берегу Оксы, присел на корточки и, черная ладонью воду, начал пить. Конвоиру это не понравилось - он выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в голову старика. Скроченная фигурка старика головой нырнула в воду и... больше не появилась... Толпа замерла, превратилась в сотни неподвижных каменных столбиков...

Нам стадо страшно... может, так страшно и нутно будет при конце света... Мы помчались к лодке. Нам было не до уток"...

Таков Кабылинский сибулон. Тайга завалена костями и залита кровью жертв сталинских репрессий... И пусть историки, не имеющие списков расстрелянных, которые давно сожжены, утверждают, что на Асиновской земле не было лагерей смерти. Таких лагерей, как „сибулон“, который по жестокости переплюнул фашистские лагеря смерти еще до их рождения.

/ 27 - 30 апреля 1997 года / Андрей Нечунаев

КАЙЛИНСКИЙ СИБУЛОН

/ из воспоминаний /

Осенью 1940 года поступил я в пятый класс Крутогорской семилетней школы. Жил у колхозника - шимоката Ивана Афанасьевича Веселова. Как - то зимой заговорили о Кайлинском сибулоне. Веселов рассказывал: „Я не из робкого десятка, но два раза зимой в лютые морозы меня перепугали сибулонцы. Первый раз в 1927 году. Катали я валенки ногами: заказов было много. Однажды ночью от - крышается дверь, и вваливается в избу бородастое чудовище в нижнем белье, без шапки и босиком, ноги белые, как снег. Пропел он от порога к столу, застучали его белые ноги, как палки. Страшно мне стало... Откуда" - спрашиваю... Из сибулони - на сбегал," - едва слышно говорит, а сам весь трясется - перемерз... Как же ты туда попал, никто в Крутогорке не видел, как вас туда гнали"... На барже, говорит, из Но - воссибирска по Оби, потом по Чулыму и на Юксе выгрузили. А в тайге - кому бараки, кому яма... "Перепуганная хозяйка супу ему налила, хлеба поставила. Ел он жадно, худущий - живые мошки, глядит по - страшному, - мурашки у меня по спине забегали. Не успел он отогреться, как два коннык конвоира на мой огонек пожаловали. Связали ему за спиной руки, на шею веревку накинули и повели на повозке. Видно их он и ждал, когда глядел по - страшному. Второй раз такое же случилось в 1928 году. Все было так же, как и в 1927 году. Так же напугался я: к такому ужасу нельзя привыкнуть...

Осенью 1929 года в начале ноября выпал первый снег. Как - то после обеда, проехал мимо Крутогорки в тайгу конный вооруженный отряд голов в двадцать пять - трид - цать с сумками, притороченными к седлам, дней через пять - шесть этот же вооруженный конный отряд проехал обратно. Ни туда, ни оттуда по дороге мимо деревни никаких сибу - лонцев не гнали. Крутогорские и кузнецовские охотники, проживая от Кайлы в двух - трех километрах, кишались в тайгу разведать, в чем дело, - все рвались поохотиться на белку, соболя, лису, колонка. а вход в юксинскую тайгу был запрещен. Шли охотники осторожно, с разных мест и направлений, но было везде тихо и пусто.

Стало ясно: конный отряд энкэвэдэ уничтожил поголовно и их охрану, обвиненную в превышении власти, следы свои каратели замели надежно в нахлынувший сибирский снег. Как только секретный Кафлинский сибулон прекратил свое существование, в тайгу погнали и повезли на лошадях сотни семей лишенцев - кулаков. Везли их весь 1930 год, везли их весь 1931 год, а потом с небольшими перерывами везли их в 1939, в сороковом, в 1945, в сорок шестом и седьмом, везли вплоть до пятидесяти третьего, везли с одной целью ликвидировать кулачество, как класс, неважно, где его вылавливали в Молдавии или в Польше. Везли в Первопашенский и Второпашенский, везли в Тунгус - Бор и в Батурино, но больше всего везли по Оби в прекрасный нарымский край. И густо покрывшись могилами великий Западно - Сибирский край, ставший огромным интернациональ^{ными} кладбищем народов СССР, ставший траурным памятником волею всех народов....

1944 год. ТУНГУССКИЙ БОР.

В 1944 - 45 учебном году я работал заведующим Тунгусборской начальной школы. Этот леспрохозный поселок, когда - то густо набитый ссыльными „лишенцами - ми“, делился на две части: Старые бараки и Новые бараки, расстояние между ними не более километра. Школа находилась в Новых бараках. Лесопункт умирал. В 1942 - 1944 годах подчистили всех мужиков - кулаков, которых в 1941 году боялись брать в Красную Армию как „злейших врагов советской власти.“ Родители мои жили в Кафлушке, а совет мой находился в Батурино. И в ту и в другую ^{сторону} от моей школы было километров по тридцать - вот и носился я целый год между этими поселками. Особенно тяжело было ходить в Батурино по деревянному настилу из плах, дававшему возможность автомашинам проходить через болото. Если „сбегаешь“ туда и обратно, ноги отбивались и каменели - бегать приходилось частенько. От райцентра Асино Тунгусбор удален километров на сто пятьдесят, но тетради и учебники для учеников доставлял я из райцентра по - верблужьи, на своем горбу.

2

Как - то по осени, отмотав от Кайлушки километров пятнадцать, я свернул в бор, усыпанный брусникой, и незаметно удалился от дороги - тропинки: заманула яго - да. Остановился удивленный: передо мной ра^скрытыми стра - шными зевами чернели четыре огромные прямоугольные ямы. Вырыты они были на невысокой сосновой гривке, метрах в десяти друг от друга. Шириною ямы были метров по десять - пятнадцать, длиною по тридцать - сорок, глубиною - не ме - нее трех. Внутри ям виднелись деревянные стены из тол - стых бревен. Только на половине одной ямы сохранилась двухскатная бревенчатая крыша, засыпанная землей. Потолка под этой крышей я не увидел: или он обвалился, или не был предусмотрен в проекте лагерного зодчего.

Вот каковы таежные мрачные подземелья, в которых гнили осужденные на мучительную и смерть ярые, „враги народа“, окрещенные кровавым словом „сибулонцы.“

Невесело ходить в одиночку по таким каторжным мес - там... Вскоре я встретил „ясашного“ лесника, жившего с небольшой семьей недалеко от таежной речушки Кайлу - шка... Много ли тут таких страшных ям - барakov, - спро - сил я у него. „Ясашный“, чего - то испугавшись, как-то дико посмотрел на меня и быстро заматал по таежной тропинке. В самом Тунгусборском лесопункте лесник из лиственцев Трифон Ларионов тоже испугался моего вопроса, побледнел и промолчал. Зато через неделю сводил меня в сосновый бор, километра за два от школы, и показал сотни высоких штабелей из тл^стых бревен, вывезти не успели - война помешала... Бревна в штабелях начали гнить, но, хотя школа сидела без дров, начальство умирающего без - действующего лесопункта не разрешило пилить на дрова хорошо высохшие в штабелях бревна: легко могли пришить расстрел за гнилую „социалистическую собственность“, закон строг: не смей никто покушаться на нее - пусть лучше она сгниет, пусть лучше погибнет ^{результат} тяжелого ручно - го труда сотен лесозаготовителей. Крепко сидел в па - мяти 1937 год и 1940 год, в который несколько десятков голодных рабочих за пятиминутное опоздание на работу были арестованы и перемещены из каторжной ссылки в лагерь смертников. Страшно: еще шла война, еще шел 1944 год. И еще страшнее оттого, что все еще жил и гениально вертел мясорубку репрессий величайший

тюремщик и лагерник земного пара, великий тиран и самодержец Иосиф первый, сумевший тридцать лет держаться в голодном страхе великую державу, когда в объ-
ятных ясно зримой смерти дрожали все и молчали все.

Одним из рассказчиков о сибулонцах был Крутогорский колхозник и охотник Анненко Никонор Фаддеевич, родившийся в конце девятнадцатого столетия. В покосную пору 1957 года оказались мы с ним вместе на Барнаульских лугах, километрах в двадцати от Кайлушки. Начались дожди и покосники разошлись по домам, остались мы вдвоем в палатках, ждать, когда подсохнет скошенная трава. От палатной скуки заговорили о сибулонцах. „Осенью 1927 года белковал я в Пашенских и Кайлинских кедрочах. Вышел к таежной речушке Кайле и вижу: окружают меня какие-то милиционеры, человек пять, один и говорит: „Больше за Юксою не появляйся, прихлопнуть можем, право у нас такое есть. Здесь закрытая зона контрреволюционеров.“ — Перепугался я — куда меня занесло; „Простите, говорю, не знал“, „Валяй отсюда, и нигде — ни звука!“ И даже сейчас мне про это говорить боязно: у кэгэбэ длинные уши — слышат всех и длинные руки — достают всех. Это Никита нынешний много наболтал о Сталине и его репрессиях, и нам об этом вроде бы можно говорить теперь... В ноябре 1929 года, как только прослышали мы, что конный отряд карателей назад прошел и без сибулонцев, решили проникать — в чем дело... и удивились: куда ни сунемся — никаких следов, ни охраны, ни арестантов, вокруг на десятки километров нетоптанный снег. После этого я все сибулонские бараки и ямы — погреба обошел, в бараках охотники ночевали, считай жили. Попадались на пути и человеческие черепа и кости и вначале даже целые скелеты и на земле, и изредко на нижних толстых сучках: Казнь что ли у них такая была, много, видать, народу истребили... А сколько? никогда никому не узнать: тайга глухая и немая, а могилы — вся тайга...“

НА УСТЬ ЮКСЕ В 1928 ГОДУ.

В конце пятидесятых из Новониколаевской МТС в Большеюксинский лесопункт приехал радист Алексеев Павел Сергеевич. Центр Асиновского леспромхоза находился то в Асино, то в Минаевке. Связь главной конторы с лесопунктами осуществлялась только по радию.